

ЗАПЕВ

Жаворонки-жаворонки в небе,
Жаворонки-жаворонки в хлебе,
Жаворонки в молодой траве.
Слушаю и детство вспоминаю,

О большой любви к родному краю
Закипают строки в голове.
Видел я сиреневое море,
Белых чаек видел на просторе,

Слышал грохот горного ручья.
Но поет невидимая птица —
Никуда мне больше не летится...
С добрым утром, Родина моя!

* * *

В поле паводок грязь замесил.
Дома не было хлеба ни крошки.
Я бродил, выбиваясь из сил,
Собирая гнилую картошку.

Раздвигал я ботинками грязь...
А вверху — переливчат и звонок,
Весь от вешнего счастья светясь,
Ликовал на весь мир жаворонок.

Обещал он цветы на лугу,
Дуги радуг по синему своду...
На высоком речном берегу
Льдины таяли, падали в воду.

* * *

В эти весенние дни
Там, где родился и рос,
В юность меня помани,
Шум тополей и берез.

Сброшена зимняя сонь,
Далям не видно конца...
Вышел я слушать гармонь
В алой рубахе отца.

* * *

Последний месяц лета.
Прохладой дышит день.
Но льется
Ливень света
На крыши деревень.
Красным-красна рябина,
А елка зелена.
Раздольная равнина —

Родная сторона.
Лугами речка льется.
Она в тени раки
То тихо засмеется,

То лихо зашумит.
Прислушиваюсь снова я:
О чем поет она?
«Орловщина...
Орловия...
Родная сторона...»

В ГРЯДУЩЕЕ

Все мы от кого-нибудь зависимы.
Блудово сам Блудов основал.
Черемисы, видно, Черемисино,
Или Черемисин — генерал.

Что от нас в Грядущее потянется?
Лес? Овраг? Раки над рекой?
Пусть Россия устоит, останется —
Нам не надо почести другой.

БОГОРОДИЦА

А.И. Курникову

Там, где заря с горою сходится,
Ей нелегко было брести.
Искала травы Богородица,
Чтоб землю Русскую спасти.

Средь воровства и пьянства дикого
Искала светлые места
Для возрождения великого
Во имя вечного Христа.

Мы не спешим облагородиться
В краю покосов и полей:
Нашла не травы Богородица,
А крест еще потяжелей.

РУСЬ

Откуда мы? Наверное, от рек.
Селиться Русь любила над водою.
И я люблю. Я — русский человек,
Хоть не хожу, как дед мой,
с бороною.
На белые березы загляжусь,
На бег ручья,
На солнечные дали...
Полна грачей ракитовая Русь,
Душа полна восторга и печали.

ДОЧЬ

И стало новой радостью для мамы
Движение ее карандаша.
Рисует девочка цветы,
А больше храмы,

Растет и укрепляется душа.
Когда-то дочь у дочери родится,
А может, сын...
И в наш суровый век

Ее большое счастье состоится —
Украсит род собою человек.

ЗАНАВЕС

Славили мы в песнях узы братства,
Нерушимый славили Союз.
Улетели Родины богатства
И теперь обходимся без уз.

Стал грабеж политикой полезной,
Олигархам сказочный улов...
Опустился занавес железный,
Надвое Россию расколов.

* * *

Полюбилась мне жизнь кочевая:
То в деревню,
То в город иду.
Под горою вода ключевая,

Зреют яблоки в старом саду.
Приглянулись мне лунные блики,
Наша речка в серебряном сне...
Быть ни малым хочу, ни великим,
Лишь бы впору моей стороне.

РОДИНА

Покажусь тебе, наверно,
странным,
Но чужбине сердце не отдам.
Грусти нет по селам иностранным,
Даже по великим городам.
Поклонюсь Женеве и Парижу,
Риму рад, Берлину рад — не вру.
Если их ни разу не увижу,
То, пожалуй, с горя не умру.
Вена — Штраус, золотая Вена
Видится во сне, как наяву.
Не бывал, признаюсь откровенно,
Не видал, а все-таки живу.

Не беда, что Лондоном туманным
Не бродил я с Байроном в руке...
Покажусь тебе, наверно,
странным:
Льну к Орлу и к ласковой Оке.
Ветер в небе облако полощет,
В травах — родниковые ручьи.
Хороши тургеневские рощи,
Хороши на зорьке соловьи.
Сторона навеки дорогая.
Пахнет медом горькая полынь.
Я слова поэта повторяю:
«Никакая Родина другая
Не вольет мне в грудь
мою теплынь».
Выдумали сделать зарубежьем
Киев — мать российских городов.
Ригу в соснах полюбил я нежно
И расстаться с нею не готов.
Целовать готов я камни Бреста,
Русским Крым как звал, так и зову.
Из любого города и места
Вижу нашу стольную Москву.

МОРЕ

В библиотеке — море книг.
Мне это море нравится.
Я столько важного постиг,
Что стал мне дорог
Каждый миг
И вся Земля-красавица.
Теперь не просто я живу,
Большое дело делаю.
По морю синему плыву
И вижу чайку белую.
Кружит в лазурной вышине,
Всем кораблям заметная,

И путь показывает мне
Мечта
Моя
Заветная.

ОГНИ ОРЛА

В огнях ночные улицы светлы,
Чернеют липы строгими стволами.
Наверно, липам видятся орлы,
Большие птицы с гулками
крылами. Их нет.

Лишь город с именем орла
Стоит, в речное зеркало глядится.

Мне сердце бьет во все колокола,
И снятся по ночам степные птицы.

А поутру, за что я ни берусь,
Поет мой город всеми голосами...
И подступает к сердцу
Слово «Русь»,
Гремит рассвет широкими
крылами.

ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Памяти Надежды Ивановны
Ильиной

Приду в Алынань,
И вспыхнет утро ало,
Блеснет вода подгорного ручья,
И вздрогнет сердце:
здесь она стояла,
Учительница первая моя.
Встречала нас, рассказывала
сказки,
Смотреть водила осень в тополях.
И столько было материнской ласки
В ее веселых, солнечных глазах!
Через войну шагала с нами рядом,
Ей тоже было горестно не раз.
Но добрым взглядом, материнским
взглядом
Светила в сердце каждого из нас.
Она в далекой Риге умирала,
Ловила сердцем гулы поездов
И в памяти своей перебирала
Родные имена учеников.
И перелески не были забыты,
Где в синий май — цветочные
ручьи.
Шумели ей альшанские ракиты,
Орловских зорь звенели соловьи.
Не приходи ко мне, успокоенье.
Ее ведь нет,
Надежд на встречу нет.
Но в скольких нас живет ее
волнение,
Ее души высокий чистый свет.